

ТЕТРАДЬ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ И РАЗМЫШЛЕНИЯ

РОШ А-ШАНА

10 тем для изучения и обсуждения за праздничным столом

Девять вопросов из уроков Рава Рафаэля Бенизри об Элуле и Рош а-Шана: почему золотой телец — грех, который мы совершаем до сих пор, почему «стареть» и «спать» пишутся с одним корнем и почему в первом Десятисловии недостаёт слова, которое пришлось добавить во второе.

Рав Рафаэль Бенизри

Содержание

Темы для размышления и вопросы для обсуждения за столом Рош а-Шана

- 01** «Нигде не написано, что первое Тишрея — это Рош а-Шана»

- 02** Сорок дней, чтобы подняться

- 03** Проклятия без утешения

- 04** Стареть и спать: один корень

- 05** Элуль, или перевёрнутые буквы

- 06** Слуга не ждёт награды

- 07** Почему о жизни говорят во множественном числе?

- 08** Слово, которого нет в первом Десятиисловии

- 09** Союз, которого Б-г не просил

- 10** Маленький корень, который не следует за всеми

«Нигде не написано, что первое Тишрея — это Рош а-Шана»

ВВЕДЕНИЕ

Первого Тишрея мы поздравляем друг друга с новым годом, трубим в шофар, читаем молитвы этого дня. И всё же, открыв Тору, Пророков и Писания, мы ни разу не найдём, чтобы этот день назывался Рош а-Шана. В наших собственных молитвах мы называем его Йом Труа, днём звука шофара, или Йом а-Зикарон, днём памяти.

ВОПРОС

Если Тора никогда не называет первое Тишрея «Рош а-Шана», то к какому дню это имя относится в Писании — и почему именно к нему?

ОТВЕТ

Библейские имена первого Тишрея: Йом Труа, Йом а-Зикарон. А о Суккоте сказано: «бецет а-шана» — при исходе года.

Выражение «Рош а-Шана», применённое в Писании к празднику, обозначает Йом Кипур. Это удивляет лишь того, кто забыл, что есть начало лунного года и начало солнечного, а праздники исчисляются только по солнечным временам года: Песах — Хаг а-Авив, праздник весны, Шавуот — Хаг а-Кацир, праздник жатвы, Суккот — Хаг а-Асиф, праздник сбора урожая, и именно о Суккоте сказано «бецет а-шана», при исходе года. Значит, конец года действительно приходится на Суккот, а не на первое Тишрея.

Между лунным и солнечным годом есть смещение, зазор. Всё это время два года накладываются друг на друга: мы находимся в промежутке между прошлым и настоящим. Поэтому мы читаем псалом «Ашем ори ве-иши», Ашем — мой свет и моё спасение: мой свет в Рош а-Шана, моё спасение в Кипур, и продолжаем читать его до Ошана Раба. До Кипура мы говорим сличот, мольбы о прощении; начиная с Кипура это призывы к Б-гу о помощи — чтобы Он вернул нас на верный путь мысли.

И именно в Йом Кипур, по завершении юбилейного года, предписано освободить каждого человека и вернуть землю её изначальным владельцам — ведь земля никогда не продаётся навечно, а лишь вверяется в управление. Значит, Кипур — день, когда заново осмысливается освобождение самого себя. Не об освобождении других нужно думать в первую очередь: если мы остаёмся обусловлены самими собой, поработочены весьма относительными идеалами, зависимы от нашего образа жизни и мысли, — мы не вышли из самих себя.

ВЫВОД РАВА

Год начинается не тогда, когда так говорит календарь, а тогда, когда человек перестал быть управляющим того, чем, как ему казалось, он владел.

УРОК ДЛЯ СТОЛА

Юбилейный год возвращает землю её изначальному владельцу. А что мы сами слишком давно держим так, будто это принадлежит нам, — обиду, место, роль в семье? Что каждый за этим столом должен вернуть, прежде чем год действительно начнётся?

Сорок дней, чтобы подняться

ВВЕДЕНИЕ

Месяц Элуль открывает сорок дней, которые завершаются в Кипур: это последние сорок дней, проведённые Моше на горе, чтобы принести вторые скрижали. Через сорок дней после Откровения народ сделал золотого тельца.

ВОПРОС

Золотой телец — грех иной эпохи или тот, что мы совершаем до сих пор? И как распознать его в себе?

ОТВЕТ

Сорок дней Элуля, от Рош Ходеш Элуль до Йом Кипура, соответствующие последним сорока дням Моше на горе.

Грех золотого тельца присущ всем нам, говорит Рав, потому что мы неспособны постичь Б-жественное таким, каково оно есть. Мы даём ему замену, берём Элоким — то есть множественность Б-жественных проявлений — и цепляемся за один-единственный аспект этой множественности. И вот мы уже в грехе золотого тельца.

Тогда мы оказываемся в застывших идеологиях и уже не можем перестроить свою личность: мы словно в форме для отливки, с застывшей мыслью и неизменным поведением. Такое поведение смешивает нас с законами природы, вернее, сводит нас к ним — а природа обречена стареть и умирать.

Творец же обновляет Своё творение каждый день. И так же, как Он обновляет небо и землю, мы уверены, что Он всегда будет хранить народ, которым оправдывается само Его творение.

ВЫВОД РАВА

Ухватиться за один-единственный лик бесконечного — значит уже сотворить себе идола.

УРОК ДЛЯ СТОЛА

У каждого здесь есть идея, за которую он держится так крепко, что она перестала быть идеей. Какая? И если она годами мешает нам изменить мнение о ком-то из нашей семьи, чем же она стала на самом деле?

Проклятия без утешения

ВВЕДЕНИЕ

Год завершается чтением вторых проклятий. Первые, читаемые перед Шавуот, соответствуют разрушению Первого Храма и заканчиваются утешением. Вторые возвещают разрушение Второго — и утешения в них нет.

ВОПРОС

Как текст, в котором нет никакого утешения, может оказаться тем, что содержит все благословения?

ОТВЕТ

Два ряда проклятий: один в конце книги Ваикра, другой в Ки Таво. Стих «яалим Ашем» и ответ, данный Рабби Шимону бар Йохаю.

После первых проклятий мы вернулись в Израиль через семьдесят лет. Второй ряд мы переживаем до сих пор — и здесь утешения нет. Этот вопрос задали Рабби Шимону бар Йохаю, укrywшемуся с сыном в пещере во время римской оккупации. Он не знал, что ответить, и заплакал. Тогда ему явился пророк и сказал: знай, вторые проклятия содержат в зародыше все благословения.

Причина — в одном слове. Всякую болезнь и всякий удар, которые наведёт Ашем, — яалим. Это не значит, что Он обрушит их на вас или распространит их на вас: яалим значит, что Он их отведёт, затмит.

Когда доходят до точки невозврата, в действие вступает сила — сила обещания, данного этому народу, что он не исчезнет, ибо будущее человечества и будущее самого творения связаны с его существованием. Тогда эти проклятия отступают и становятся источником благословения.

ВЫВОД РАВА

Самый мрачный текст года — единственный, который не захотел записать своё утешение, чтобы мы сами пошли его искать.

УРОК ДЛЯ СТОЛА

В каждой семье есть событие, в котором никто ещё не видит, что доброго оно принесло. Какое? И кому сегодня вечером нужно услышать, что его беда ещё не сказала последнего слова?

Стареть и спать: один корень

ВВЕДЕНИЕ

Тора предупреждает: когда родишь детей и внуков и состаритесь вы на этой земле. Три поколения, не больше. И слово «старение» имеет общий корень со словом «сон».

ВОПРОС

Что такое стареть, если дело не в годах, — и почему Тора предостерегает именно от этого, а не от смерти?

ОТВЕТ

«Ки толид баним у-внеи баним ве-ношантем ба-арец». И Рамбам о двух заповедях, которые держат человека бодрствующим: мезуза в пространстве, шофар во времени.

Старение — это пребывание в такой системе жизни, где всё сводится к повседневности, всё повторяется, всё подчинено природным явлениям. На иврите яшан, старый, и яшен, спящий, имеют один корень. Позволить себе стареть, войти в повторяющуюся систему, где нет ничего нового, никакой перспективы новой жизни, никакого возвышения жизни, — это и есть старение, ведущее к смерти.

Рамбам упоминает две заповеди, которые держат человека в состоянии постоянного бодрствования. В пространстве это мезуза: она призывает нас менять поведение и настрой, когда мы переходим из одного пространства в другое. Оставаясь в одном и том же пространстве, в ней не нуждаются; но как только нужно отделить общественное владение от частного, разные этапы нашей жизни друг от друга, — она необходима, и всякий раз, когда мы переступаем порог с мезузой, нужна перемена.

Во времени это делается шофаром. И хотя это постановление Писания, в нём есть и намёк: пробудитесь, спящие, от вашего сна.

ВЫВОД РАВА

Старение создаёт не число лет, а число похожих друг на друга дней.

УРОК ДЛЯ СТОЛА

Сколько наших дней в этом году были взаимозаменяемыми? Пусть каждый найдёт то, чего никогда не делал и мог бы сделать в этом месяце. И спросим себя, кто за этим столом уснул, а никто ему этого не сказал.

Элুল, или перевёрнутые буквы

ВВЕДЕНИЕ

Мудрецы искали, где месяц Элুল упоминается в Писании. Они нашли его дважды: в стихе об обрезании сердца и в стихе из псалма — но там буквы переставлены.

ВОПРОС

Что говорит о месяце то, что его имя читается прямо в обрезании сердца и наоборот — в «если бы я не верил»?

ОТВЕТ

Стих об обрезании сердца; и «Лулей ġезманти лирѳот бе-тув Ашем бе-эрец хаим» — если бы я не верил, что увижу благо Ашема на земле живых.

Всякий раз, когда речь идёт о миле, имеется в виду преодоление природного порядка или, по крайней мере, выход из него. Мы не хотим подчиняться законам природы; мы совершаем милу, чтобы сказать, что хотим выйти из этих рамок. А выйти из этих рамок — значит хоть немного перестать постоянно сравнивать то, кто мы, с тем, кто другие, наше положение — с их положением.

Ведь всякий раз, когда нами овладевает желание быть как другие народы, мы подвергаемся тем же бедствиям, что и они: так же, как им грозит исчезновение, той же опасности подвергаемся и мы.

Второй намёк — в псалме: если бы я не верил, что увижу благо Ашема на земле живых, я оказался бы среди людей жестоких. Это буквы Элуля, но перевёрнутые. Путь этого месяца обязывает нас определить своё отношение к этим словам пророков, которые обещают нам иной статус и иной язык. Пророку и сказано: возвысь свой голос, как шофар. То есть переплавляй свой язык всякий раз заново, чтобы он не впал в пошлость.

ВЫВОД РАВА

В библейском языке есть особая сдержанность: у сокровенных органов человека в нём нет названия.

УРОК ДЛЯ СТОЛА

Месяц требует переплавить свой язык. Какие три выражения мы обычно употребляем, принижая того, о ком говорим? И кто здесь согласится обходиться без них до Кипура?

Слуга не ждёт награды

ВВЕДЕНИЕ

Двенадцать месяцев года соответствуют двенадцати сочетаниям четырёхбуквенного Имени, взятым из начальных или конечных букв стиха. Сочетание Элуля извлечено из стиха, говорящего о цдаке.

ВОПРОС

Если мы лишь исполняем свой долг, чего нам требовать в Рош а-Шана — и почему то, чего мы ждём, носит имя милостыни?

ОТВЕТ

Сочетание четырёхбуквенного Имени для месяца Элуль, взятое из стиха «у-цдака тигье лану».

Слуге не пристало ждать от хозяина платы или награды: ему платят за это, его наняли на эту работу, и, напротив, он обязан выполнить её хорошо. Мы обязаны исполнить свою миссию в этом мире — а наша миссия несёт огромную ответственность, ведь от неё зависят равновесие мира и само здоровье вселенной. Но что мы для этого делаем?

Месяц Элуль отвечает своим сочетанием: у-цдака тигье лану. Мы исполняем свой долг как положено, но плата, которой нам следует ждать, — это цдака: милость, жест в нашу сторону. Поэтому месяц начинается с рахамим, со слихот, с призыва Б-жественного милосердия — именно оно позволило получить вторые скрижали Завета.

А когда мы ставим себя на один уровень с другими, мы призываем меру суда. Перед строгим же судом сказано: и эти — Мои создания, и те — Мои создания. Мы на одних весах — почему у нас должно быть преимущество?

ВЫВОД РАВА

Мы ничего не требуем: мы делаем для всей вселенной то, что делаем для своих детей и своего дома.

УРОК ДЛЯ СТОЛА

Все мы ведём тайный счёт того, что нам причитается, — в семье, на работе, даже в молитвах. Что записано на этом счёте? И что случится, если сегодня вечером мы решим его закрыть?

Почему о жизни говорят во множественном числе?

ВВЕДЕНИЕ

Все благословения этого дня возвращаются вокруг одной просьбы: быть записанным для жизни. Вспомни нас для жизни, впиши нас в книгу жизни. А слово, которым на иврите называют жизнь, никогда не употребляется в единственном числе.

ВОПРОС

Что говорит эта двойственная форма жизни, о которой мы просим, — и почему нужно уметь спускаться так же, как подниматься?

ОТВЕТ

Добавления в Амиду Рош а-Шана: «Захрену ле-хаим, Мелех хафец ба-хаим». И лестница Яакова, по которой ангелы поднимаются и спускаются.

Иудаизм называет жизнью не отказ от мира или от какого-либо наслаждения, а умение пользоваться жизнью в полной мере, при условии, что в ней соединены небо и земля. Хаим — слово двойственное: жизнь не одна. Мы всегда живём двойной жизнью — внутренней и внешней, жизнью в этом мире и жизнью в мире грядущем, жизнью наяву и жизнью во сне.

Мы всегда соразмерны лестнице Яакова: ангелы, поднимающиеся и спускающиеся, — это мы, мы и есть те ангелы, что населяют лестницу. Нужно уметь подниматься, но нужно уметь и спускаться, иметь мудрость спуститься и принять жизнь как подарок, желать её в этом мире — ведь жизнь есть лучшее из благословений, совершенное благословение.

Ведь жизнь и есть то, что позволяет нам наслаждаться близостью Б-жественного, ибо Б-жественное — это Элоким хаим: источник жизни, суть жизни.

ВЫВОД РАВА

Нет жизни художника и рядом с ней другой жизни: есть одна жизнь, которая охватывает всё, и её пронизывает одно и то же дыхание шофара.

УРОК ДЛЯ СТОЛА

Мы охотно говорим: потом, когда будет время, займусь главным. Где у нас проходит это разделение между двумя жизнями? И что мы отложили на «потом», хотя это нужно было прожить в этом году?

Слово, которого нет в первом Десятиисловии

ВВЕДЕНИЕ

Заповедь о родителях повторяется в обоих Десятиисловиях. В первом: чтобы продлились дни твои. Во втором добавлено обещание: и чтобы было тебе хорошо. Одно лишнее слово — и целый вопрос.

ВОПРОС

Почему слово «хорошо» отсутствует в первом Десятиисловии — и что говорит это отсутствие о тех, кому его пришлось пообещать?

ОТВЕТ

Трактат Бава Кама: рабби Ханина бен Агиль спрашивает рабби Хию бар Абу, почему в первом Десятиисловии нет слова «тов».

Рабби Хия бар Аба не знает, что ответить, и отправляет собеседника к знатоку агады. Ответ, который ему передают, таков: слово не написано в первом Десятиисловии, потому что этим скрижалям суждено было быть разбитыми, — а раз им предстояло разбиться, они не удостоились этого определения. Но тогда, возражают ему, выходит, Израилю недоставало блага?

Ответ Рава прост: жизнь сама по себе — источник благословения, и она не нуждается ни в каком другом определении. Через жизнь человеку дано осуществить эту встречу с Б-жественным и исполнить миссию. Но всякий ли способен это постичь? Нет. Народ, который после Откровения нашёл способ поклониться тельцу, доказал, что ещё не дорос до этого. Ему нужно было смягчение жизни, обещания добра.

И тогда во втором Десятиисловии Б-г снизошёл до уровня человека: не только чтобы продлились дни твои, но и чтобы было тебе хорошо.

ВЫВОД РАВА

Мы неспособны постичь жизнь как полное и совершенное благословение: нам нужны мягкость и обещания — и мы сами признаём это, прося хорошей жизни.

УРОК ДЛЯ СТОЛА

Кому в этом году нам пришлось пообещать награду, чтобы получить то, что разумелось само собой? А мы сами: что бы мы перестали делать, если бы никто ничего не обещал нам взамен?

Союз, которого Б-г не просил

ВВЕДЕНИЕ

С человеком было заключено три союза: с Ноахом, с Авраамом, на Синае. И перед самым Рош а-Шана читают главу, где союз возобновляется ещё раз — но на этот раз его просит не Б-г.

ВОПРОС

Кто испытывает потребность возобновить союз накануне входа в обетованную землю, и что значит, что на этот раз он исходит снизу?

ОТВЕТ

Три союза: Ноах и семь законов, Авраам и мила, Синай. И «Атем ницавим а-йом кулхем», что наши мудрецы относят к дню Рош а-Шана.

С Ноахом Творец обязуется больше не наводить потоп и не уничтожать Своё творение; но Он ставит условие — семь законов — и на этот раз не спрашивает согласия человека: мир не может устоять без них, и Ноах обязан их принять. С Авраамом союз требует телесного знака — мила, в самом основании человека, в его созидании и продолжении рода. На Синае, как ни парадоксально, от народа требуют добровольного присоединения, и трижды он говорит: всё, что скажет Ашем, мы исполним.

А затем приходит «Атем ницавим» — вы все стоите сегодня, — что наши мудрецы относят к дню Рош а-Шана. Но союза уже просит не Б-г: это Моше испытывает потребность его возобновить и связать им как нынешнее поколение, так и то, которого ещё нет.

Что произошло? Мы были в утробе, мы были детьми, нам нужно было несколько принудительное воспитание. И вот мы на пороге обетованной земли, после сорока лет в пустыне народов. Мы достигли такой зрелости, что наша вера уже не в том, чтобы ждать, когда Б-г явится нам на помощь и удовлетворит наши нужды, а в том, чтобы ответить на Его ожидание.

ВЫВОД РАВА

Признак зрелости не в том, что от нас требуют обязательства, а в том, что обязательство исходит от нас самих.

УРОК ДЛЯ СТОЛА

Мы держим обещания, когда кто-то требует их исполнения. Какое обещание никто от нас не требует, а мы всё же должны дать его в этом году? И кому мы скажем его сегодня вечером, чтобы оно существовало?

Маленький корень, который не следует за всеми

ВВЕДЕНИЕ

В любом коллективном единении есть свободный электрон. Корень, который держится в стороне и мало-помалу подтачивает жизненные силы целого. Рав говорит, что это верно для народа — и в той же мере для отдельного человека.

ВОПРОС

Если наша свобода выбора всегда лишена той части, которой мы не владеем, зачем принимать решения в день Рош а-Шана?

ОТВЕТ

Глава Ницавим — о солидарности всего народа. И упоминание Акедат Ицхак и тринадцати атрибутов в молитвах этого дня.

В коллективе, сколько бы я ни старался исполнить свой долг, я не уверен, что другой последует за мной и сделает это так же. И этот маленький корень, который не присоединяется полностью или держится в стороне, в конце концов подтачивает жизненные силы всего народа: мы все оказываемся обречены на участь, которой не хотели, и платим за тех, кто пренебрёг своей обязанностью.

То же происходит и на уровне отдельного человека. Сколько бы мы ни хотели быть праведниками, создать крепкую семью, преуспеть в жизни, — мы не располагаем своей свободой выбора полностью. Всегда остаётся что-то, что от нас ускользает. Даже сегодня, произнося молитву и принимая добрые решения на будущее, я знаю, что завтра не изменюсь от одной крайности до другой; всегда останется что-то, чем я не буду владеть.

Поэтому наше желание накануне Рош а-Шана — получить ту помощь, которая позволит нам включить в себя эту часть, чтобы она не тянула нас вниз. И если мы произносим тринадцать атрибутов, то с сознанием, что нам остаётся лишь обратиться к Тому, Кто владеет ими во всей полноте, в тот момент, когда мы чувствуем, что слабеем.

ВЫВОД РАВА

Во всём, что мы предпринимаем, всегда есть третий партнёр: не только ближний и не только супруг — это Б-жественное.

УРОК ДЛЯ СТОЛА

Все мы знаем свой маленький корень: слабость, которой мы не владеем и о которой никогда не говорим. Вырвать её или научиться включать её в себя? И о чём бы мы попросили сегодня вечером, если бы решились назвать её вслух?